

Малый Кауп: две формы обрядности

Владимир Кулаков

Погребальные древности юго-восточной Балтии различных исторических эпох изучаются немецкими археологами уже почти три столетия. Правда, систематизирование этого объема информации как тафологического материала фактически не проводилось. Как показывают разработки М. В. Добровольской, для адекватного анализа погребального обряда, прежде всего – для сложных для обработки трупосожжений необходим максимально подробный сбор информации по каждому комплексу. Только на основании этого может быть сформирована «методика реконструкции событий, приведших к возникновению тех или иных объектов, подвергнувшихся воздействию огня...» (Добровольская, 2010, с. 85).

В археологии юго-восточной Балтии уже давно сложилась основанная на обширных массивах раскопанных погребений типология прусской погребальной обрядности. Ведущим для эпохи раннего средневековья видом погребения является трупосожжение подтипа 2.1 – «кости в яме рассеяны среди остатков погребального костра (ОПК). Наибольшая концентрация костей вместе с зачастую обожжёнными компонентами инвентаря – в верхней части зольника. Там же находятся предметы без следов огня <...> эти находки с уверенностью можно считать заупокойными подношениями людей, соорудивших могилу. По всему массиву погребения обычно рассеивались некомплектные остатки сосудов, побывавших на костре» (Кулаков, 2003, с. 294, 295). Как правило, в придонной части могилы располагались останки принесённого в жертву коня, символа пути для доставки души умершего в Иной мир. Этот признак внутренней структуры могильного сооружения позволяет именовать погребения, традиционные для прусской культуры V–XI вв., двухъярусными.

Новые данные о прусской обрядности, полученные в 2010 г. при раскопках грунтового могильника в секторе K1. Кауп (Малый Кауп), находящемся в восточной части хрестоматийного для балтийской

археологии курганного могильника Кауп (г. Зеленоградск, Калининградская обл.) позволят расширить и уточнить наши знания по этому вопросу.

Комплекс памятников археологии вокруг уроч. Кауп, включающий ряд селищ, открытое торгово-ремесленное поселение и связанный с ним кургано-грунтовой могильник, а также не менее двух грунтовых могильников V и XI вв., расположен в северной части полуострова Самбия (ныне – Калининградский полуостров), в 2,5 км к югу от центра г. Зеленоградска, к северу от пос. Моховое (ehem. Wiskiauten) (Кулаков, 2005, S. 55). Как и остальные торгово-ремесленные пункты эпохи викингов, известные в Балтийском макрорегионе, Кауп занимает место на краю прусской племенной территории. Этот комплекс памятников археологии находится в 23 км к северу от г. Калининграда, у юго-западной оконечности Куршской косы. К настоящему времени лесное уроч. Кауп имеет в плане форму неправильного ромба (рис. 1). В этом небольшом лесу, носящем историческое название «Кауп», на вершине камовой возвышенности, достигающей от уровня вод Балтийского моря высоты 11 м, находится курганный могильник (с участком, занятым грунтовыми могилами), со времени своего открытия (3 августа 1865 г.) именуемый также «Кауп» и являющийся объектом культурного наследия Российской Федерации.

В научной литературе этот уникальный для исторической Пруссии топоним «Кауп» (дисл. «Торжище») впервые был отмечен в середине XIX в. своим первооткрывателем – премьер-лейтенантом Вульффом, проходившим службу во 2-м Восточнопрусском гренадерском полку (Wulff, 1865, S. 641–646).

После открытия могильника Кауп (судя по контексту сообщения Вульффа, им был открыт участок грунтового могильника на восточной окраине лесного уроч. Кауп) расположенные в лесном урочище курганы привлекли внимание кенигсбергских

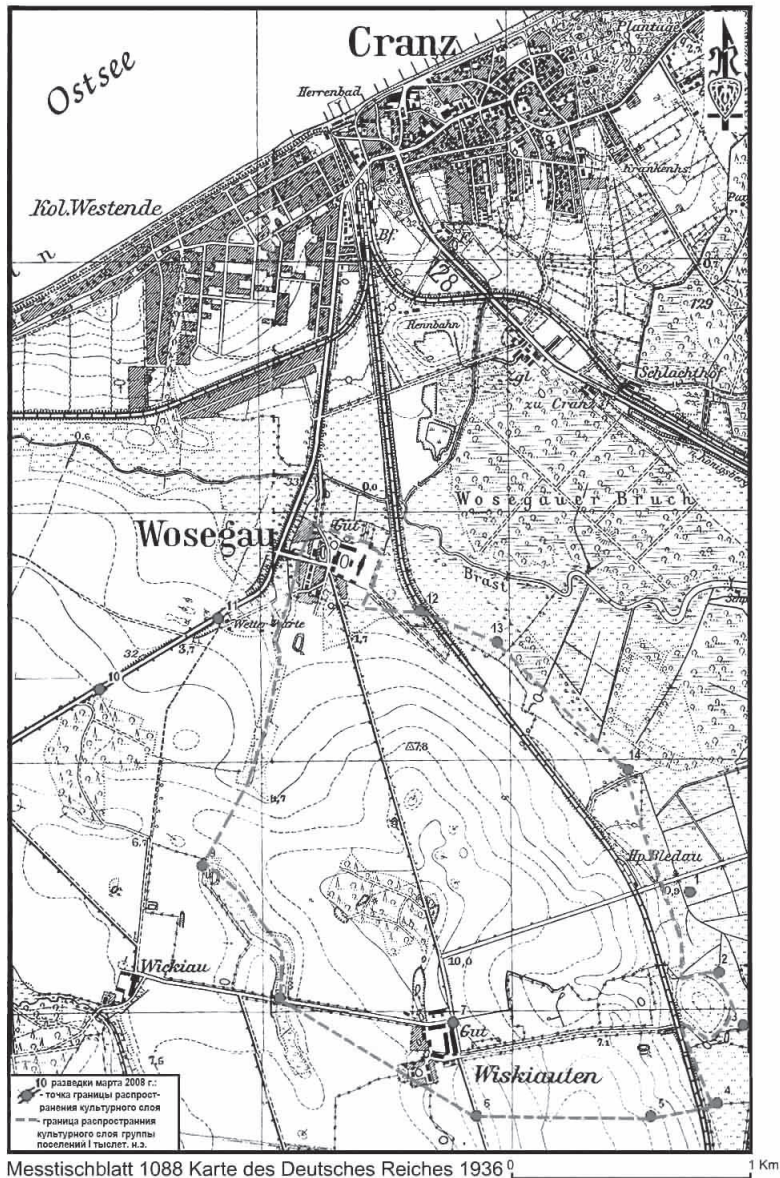

Рис. 1. Комплекс памятников археологии вокруг уроч. Кауп. Границы комплекса показаны пунктиром, в его центре – лесное уроч. Кауп.

1 pav. Archeologijos paminklų kompleksas aplink Kaupo vietovę. Komplekso ribos nurodytos punktyru, centre – miško vietovė Kaupas

археологов и на протяжении 1873–1939 гг. на могильнике было раскопано не менее 86 курганов (Кулаков, 1996, с. 140). Грунтовой могильник на участке К1. Кауп, окружённый скандинавскими курганами, раскапывался в 1932 и 1934 г. К. Энгелем, и, как выяснилось, содержал прусские двухъярусные трупосожжения XI–XII вв.

В послевоенное время раскопки курганов, оставленных в лесном урочище Кауп скандинавами эпохи викингов, проводил Калининградский отряд

Прибалтийской экспедиции под руководством Фриды Давидовны Гуревич (Гуревич, 1963, с. 197, 208).

С 1979 г. работы на Каупе развернула Балтийская экспедиция ИА АН СССР, причём сразу же в шурфе 1 были открыты следы поселенческой деятельности к юго-западу от лесного урочища Кауп. В 1980–2007 гг. Балтийская экспедиция ИА РАН изучила на курганном могильнике Кауп 9 подкурганых захоронений, содержавших останки скандинавов IX–X вв. (рис. 2).

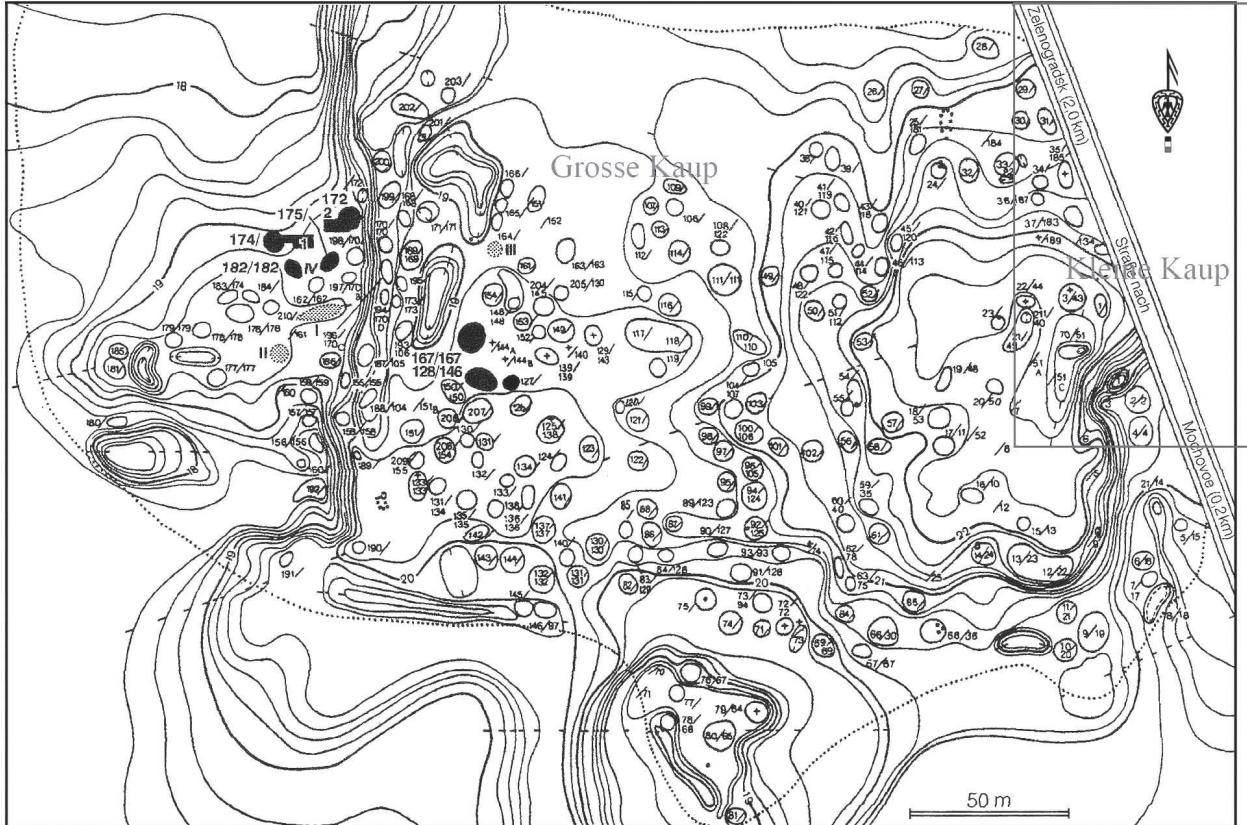

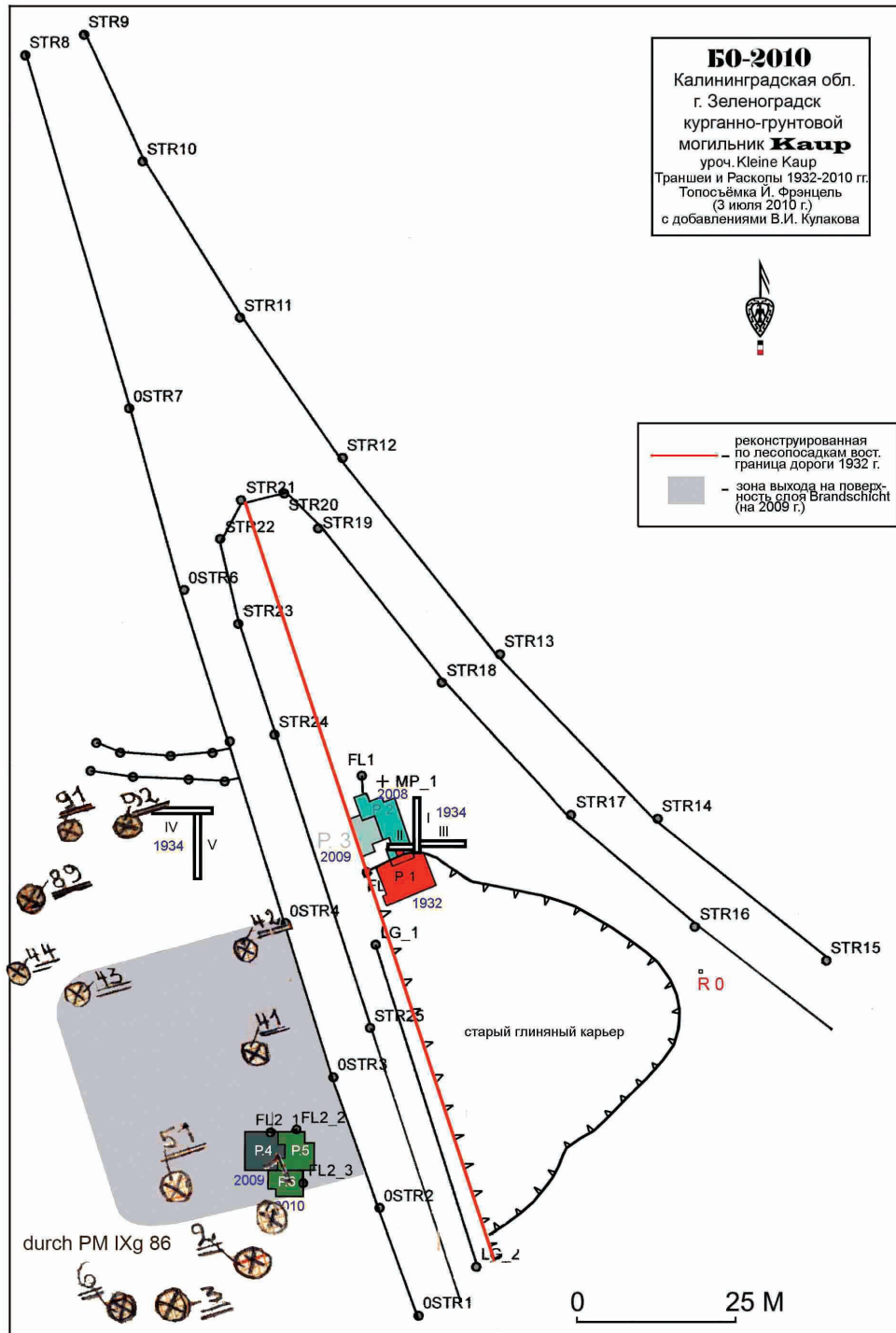
Рис. 2. План курганного могильника Кауп. Чёрным залиты курганы, раскопанные Балтийской экспедицией ИА РАН в 1980–2007 гг. Ограниченная линией врезка в северо-восточном углу плана – участок Кл. Кауп.

2 pav. Kaupo pilkapyno planas. Užtamsinti RMA AI Baltijos ekspedicijos 1980–2007 m. tyrinėti pilkapiai. Šiaurės rytiniame plano kampe – sklypas Kl. Kaupas

Задачей археологических раскопок в уроч. Кауп в полевом сезоне 2010 г. для Балтийской экспедиции Института археологии РАН, осуществлявшей в 2005–2011 гг. проект, совместный с археологами Земельного археологического музея в Готторфе (земля Шлезвиг-Гольштейн, Германия), стало изучение восточной окраины уроч. Grosse Kaup («Большой Кауп»). Условное территориальное разделение урочища Кауп на Grosse Kaup (основной массив лиственного леса, скрывающего курганы викингов) и Kleine Kaup (рис. 3) ввёл К. Энгель на своём плане 1932 г. Уроч. Кл.Кауп представляет собой на плане К. Энгеля (Кулаков, 2010, рис. 1) северо-восточный сектор вершины залесённой камовой возвышенности, отделённый от уроч. Grosse Kaup отрезком шоссе Stanz-Laptau (ныне – Зеленоградск-пос. Муромское). К. Энгель считал, что прусские грунтовые захоронения располагаются только на Малом Каупе. Раскопки 2008–2010 гг.

установили, что эти комплексы имеются и на восточной окраине уроч. Gr. Kaup. Это позволило расширить условные границы уроч. Кл. Кауп за счёт восточной окраины уроч. Gr. Kaup.

В 2010 г. Раскопы 5 и 6 (рис. 3) были разбиты на южной окраине пятна остатков погребального костра (далее – ОПК), именовавшегося немецкими археологами Brandschicht, Aschenplatz. Размеры пятна ОПК, выявленного в слое лесной почвы (по естественным причинам дёрн здесь отсутствует) 40 × 35 м, в плане пятно имеет подпрямоугольную форму, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Не исключено то, что пятно, показанное на рис. 3, в раннем средневековье было гораздо больше и протиралось в восточном направлении. К сожалению, дорожное строительство и разработка перекрывающего часть участка Кл. Кауп глиняного карьера уничтожили большую часть этого слоя.

Раскоп 1 вскрыт К. Энгелем в 1932 г.
I-V - траншеи К. Энгеля (29-31 августа 1934 г.).
Раскопы 2-5 вскрыты Балтийским отрядом ИА РАН в 2008-2010 гг.

Рис. 3. Траншеи и раскопы 1932–2010 гг. на участке Кл. Каур. Курганы вокруг пятна ОПК (часть грунтового могильника) показаны по плану Каупа, изготовленному в 1934 г. К. Энгелем (MVU, PM IXg 86).

3 pav. 1932–2010 m. tranšėjos ir perkasos sklype Kl. Kaupas. Pilkapiai šalia dėmės OPK (dalis plokštinio kapinyno) parodyti pagal K. Engelio paruoštą 1934 m. Kaupo planą (MVU, PM IX g 86)

Для представления в данной статье из 14 изученных в 2010 г. погребений (рис. 4) выбраны 2 комплекса. Они интересны тем, что представляют собой два своеобразных полюса прусской погребальной обрядности эпохи раннего средневековья – кремацию и ингумацию.

Погр. К44 (Раскоп 5, кв. 14–16) расположено в юго-западной части Раскопа 5, имеет могильную яму нижнего яруса сложной в плане формы, общими разм. $2,40 \times 1,30$ м, глуб. в пределах материка 0,10 м, ориентированую по линии северо-запад – юго-восток. Глубина в центральной части погр. К44 0,65 м. Оба яруса могилы заполнены ОПК в смеси с обожжёнными частицами гравия. Могильная яма выбиралась с уровня +101. У северного края могилы на «предматерике» (глинистый материк на участке К1. Кауп был покрыт субструкциями антропогенного происхождения, так же, как и на могильнике Dollkeim/Коврово – Кулаков, 2002, с. 177) видны следы прокала почвы диам. ок. 0,22 м, оставленные локальным огненным поминальным (?) ритуалом. **Верхний ярус** погр. К44 расположен над поздней могильной ямой (релятивная хронология внутренних частей погр. К44 показана взаимным перекрыванием могил). Она была выбрана в северо-западной части комплекса, имеет овальную в плане форму, разм. ок. $1,60 \times 1,10$ м. Над этой ямой, в северо-западной части кв. 15 выявлено округлое в плане скопление обломков кальцинированных костей диам. 0,20 м, частично перекрытое мелкими камнями. В 0,3 м к северу от этого скопления был выявлен на шт. 1 развал фрагментов раннегончарного сосуда № 38-1. Данный сосуд с S-видным венчиком относится к подтипу *Žulkus B-1:b* (у западных славян – типы *Teterov und Weisdiner*) и датируется X–XII вв. (в ряде случаев – до XVI в.) (*Žulkus*, 2007, р. 304–309). Это, очевидно, позднейшая жертва над могилой, совершённая много позже завершения акта захоронения. Не исключено, с этой жертвой связана находка серебряной бусины № 82 со сканным орнаментом у северной границы погр. К44. Из верхней части верхнего яруса погр. К44 происходят обгоревшие ножницы № 38-4 и обломок обожжённого бронзового декоративного ключа со штампованным орнаментом и 7-ю прорезанными по тыльной стороне косыми линиями (рис. 5). В 0,4 м к северо-западу

от первого скопления костей выявлено второе, с неясными границами. Среди его костей – два гвоздя и обломок бронзового витого перстня № 4. Вокруг первого скопления кальцинированных костей найдены монета прусского короля Фридриха Вильгельма III (чекан 1818 г., проникла вглубь грунта с тальми водами), железная щитовая (?) заклёпка № 9, заклёпки ладейные № 10 и 20, осколок камня-куранта № 18, фрагмент шпоры № 44-4, две бронзовые накладки с псевдо-жемчужным орнаментом № 44-6 (рис. 5). Весь этот массив костей и находок на глубинах между +100+70 подстилается мощным скоплением крупных по своим размерам камней, являющихся, в сущности, границей между верхним и нижним ярусами. На самый крупный камень перевернуто вверх дном бронзовое блюдо № 44-10 с обожжённой внутренней поверхностью. На вогнутой стороне блюда (в обломках), сохранившей следы обжига и ожелезнения, прорезаны изображения четырёх женщин (одна из них – в центральном медальоне), перемежаемые латинскими надписями (рис. 6). С блюда на камень высыпалась группа ОПК с незначительным количеством мелких обломков кальцинированных костей, которая была указанным блюдом перекрыта (рис. 7). Ясен факт использования блюда в качестве «временной» урны для переноса остатков сожжения с костра в могилу. Эта черта характерна для прусской обрядности XI в. (Кулаков, 2003, с. 300). При активной помощи проф. др. В. А. Сычинского (БФУ им. И. Канта) были переведены латинские надписи, сопровождавшие фигуры женщин – «хитрость», «ненависть», «идолопоклонничество», «гнев», «зависть», «идолопоклонничество» (лат. *idolatria*). Очевидно, это блюдо, являлось своего рода элементом наглядной пропаганды христианской идеи и бичевания людских пороков. Сходные по конструкции композиции известны на блюдах типа “mit Ängeln”. Правда, на них (в том числе – на находке из Старой Рязани – Даркевич, 1970, с. 150, 151) изображения женщин сопровождались подписями, характеризующими их как отображения различных христианских добродетелей. Однако и такие блюда, и сосуды, изображающие персонифицированные в виде женщин пороки, относятся к типу *Poklewski II(a)*, традиционно датируемому рубежом XI–XII вв. (*Poklewski*,

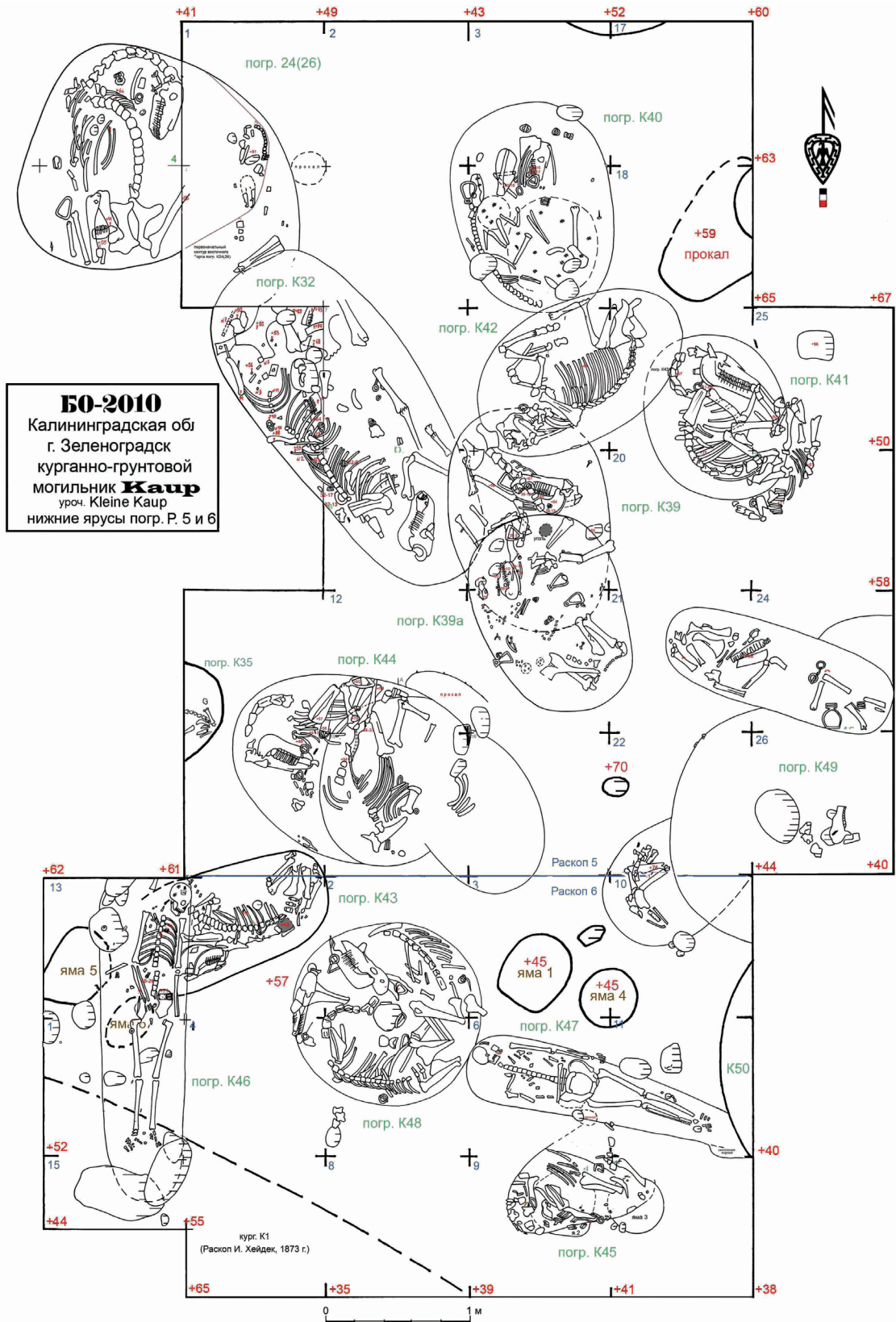

Рис. 4. План погребений, вскрытых на Раскопах 5 и 6 на участке К1. Каур.

4 pav. Kapų, atidengtų 5-oje ir 6-oje perkasose sklype K1. Kaupas, planas

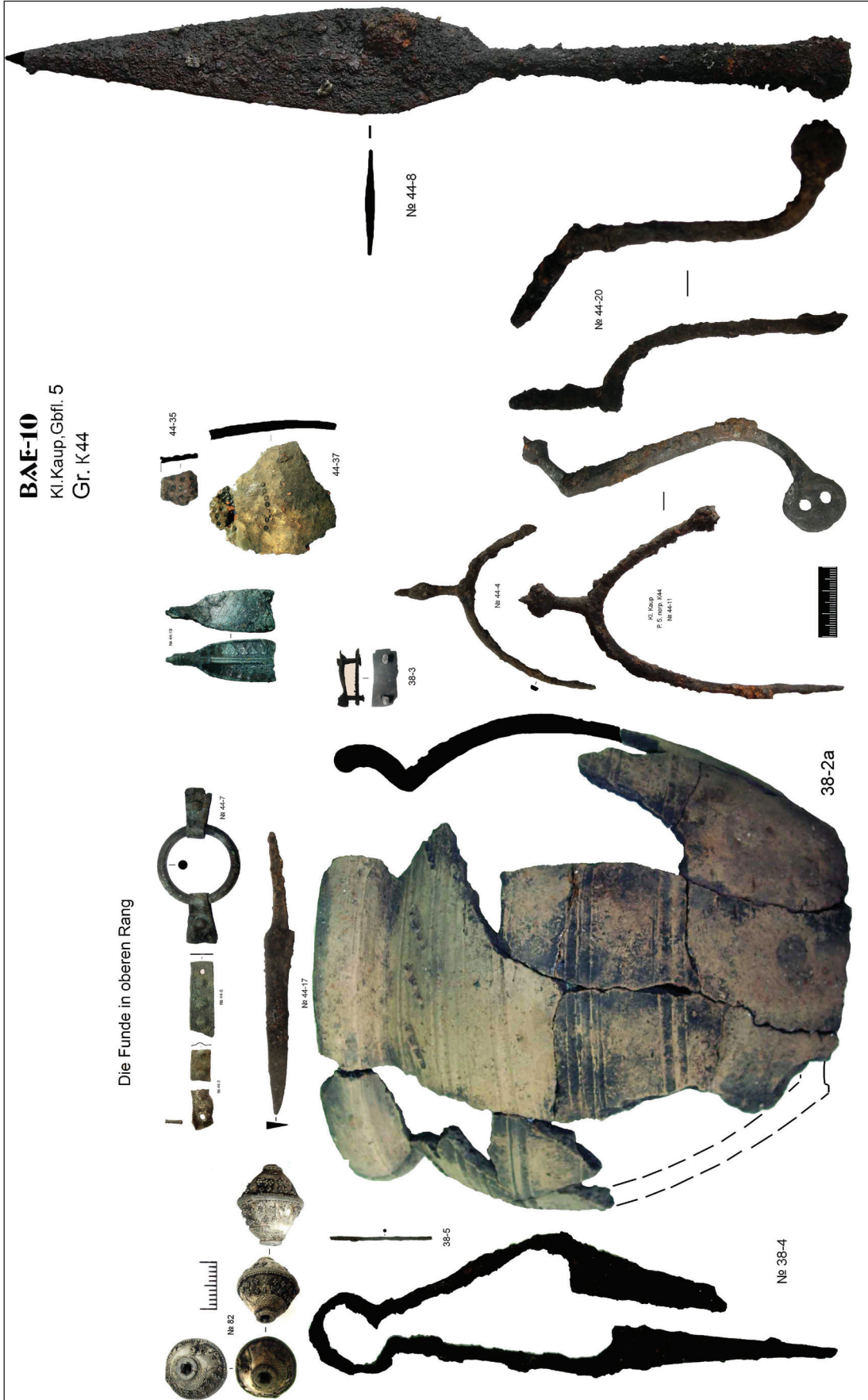

Рис. 5. Инвентарь погр. К44.
5 раv. Каро К44 *ikarès*

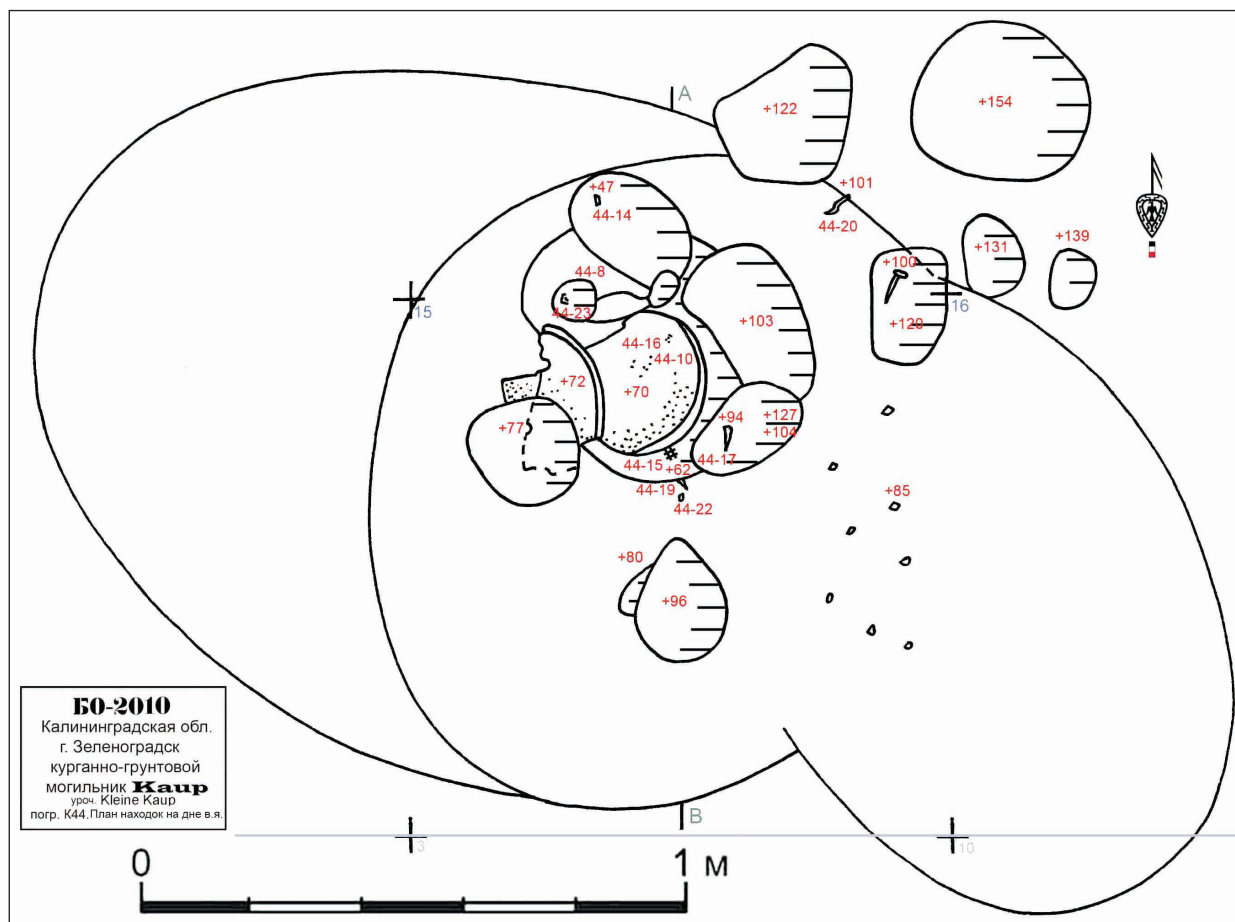

Рис. 6. План погр. К44. Верхний ярус.

6 pav. Kapo K44 planas. Viršutinis horizontas

1961, s. 145). Кроме того, здесь, на дне верхнего яруса среди камней обнаружены обожжённый лавролистный наконечник копья типа Кулаков «а» № 44-8, фрагмент стремени № 44-23 (слоем старый), большой фрагмент кальцинированной кости № 44-15, фрагмент шпоры № 44-20, бронзовая оплавленная игла фибулы № 44-22, серебряный бубенчик № 44-14. В **нижнем ярусе** поздней ямы погр. К44 на дне могилы содержит остатки разрушенного каменным завалом (см. выше) костяка коня, лежавшего на правом боку и направленного головой на запад (рис. 8). Шея коня была сломана у черепа (в районе первого позвонка) и у своего основания. Голова коня подогнута таким образом, что его темя смотрит на юг, а передние зубы направлены на восток. В зубах у черепа обнаружены кольчатые удила № 44-30 (рис. 9). К югу от них выявлена подпружная железная пряжка № 44-28. У южного борта могилы позднего коня лежит

шпора № 44-26. Фрагмент шпоры № 44-38 – между шпорой № 44-26 и пряжкой № 44-28. К северо-востоку от черепа коня обнаружена подпружная железная пряжка № 44-12. В 0,2 м к востоку от неё выявлена в нескольких фрагментах верхняя часть лепного охристо-глиняного сосуда с накольчатым орнаментом № 44-37. Эта находка попала в заполнение погр. К44 из насыпи расположенного южнее курга К/1, обладавшего, в частности, погребениями эпохи бронзы и раннего железного века, к которым и относится упомянутый выше обломок сосуда. У северного края могилы найдено стремя № 44-13, принадлежащее раннему коню и относящееся к вар. Gofler AII,1, датируемому X–XI вв. (Gofler, 2013, Abb. 3, S. 130). Стремя № 44-34 (вар. Gofler CI,2, XI–XIII вв. – Gofler, 2013, S. 140, 142) связанное с поздним конём, лежит среди обломков его ребер. К западу от черепа коня найдено ботало № 44-3. Ранний конь лежал в отдельной яме

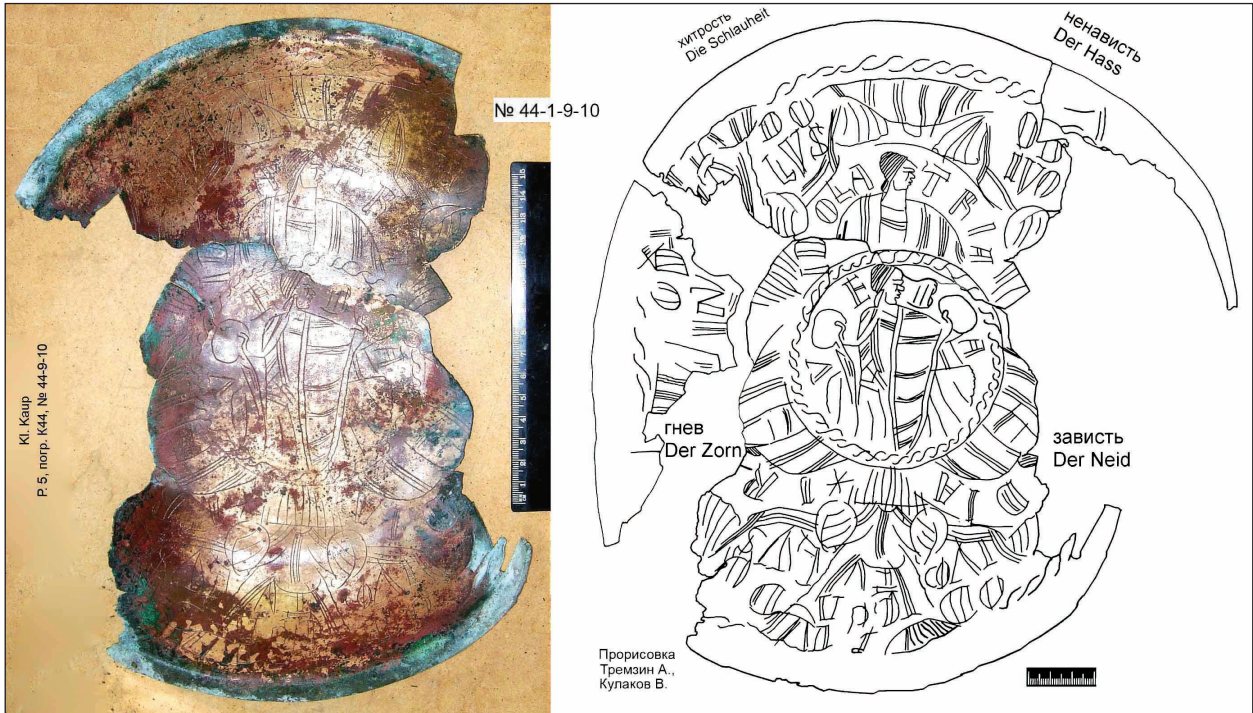

Рис. 7. Фото и прорисовка бронзового блюда из погр. К44.

7 pav. Bronzinio indo iš kapo K44 nuotrauka ir piešinys

разм. 1,0 × 0,60 м, располагавшейся восточнее могилы позднего коня и частично уничтоженной при её рытье. Костяк раннего коня лежал на правом боку по направлению запад-восток (рис. 10). Однако при рытье могилы для позднего коня передняя часть костяка раннего коня была отделена от задней и переотложена на дно восточной части могилы позднего коня. Там лежит череп раннего коня с частью шейных позвонков, направленный теменем на запад и передними зубами на север. Остальные кости передней части его костяка разбиты и рассеяны по дну могилы. Вдобавок они оказались раздавлены мощными камнями, создавшими границу между верхним и нижним ярусами над поздним конём. В зубах у черепа раннего коня обнаружены кольчатые удила № 44-44 с большими кольцами. Под нижней челюстью черепа коня обнаружено ботало № 44-43. К северу от передних зубок коня найдены стремяна № 44-44 и № 44-45. Рядом с ними – бронзовый бубенчик № 44-42, накладки на ремни постромок (?) № 44-47. В 0,4 м к северо-востоку от черепа коня выявлен венчик лепного сосуда № 44-49 (с орнаментом раннего железного века ?). Кроме того, в северной части

дна могилы раннего коня найдены относившиеся к его снаряжению ледоходные шипы №№ 44-46 и 44-50. Погр. К44 содержит останки высокопоставленного в социальном отношении мужчины, датируется, судя по наличию в составе инвентаря стремян вар. Gofler AII,1 и блюда типа mit Ängel, кон. XI в. – нач. XII в. Остальной инвентарь погр. К44 этой датировке не противоречит. Последовательность погребальных церемоний для этого комплекса можно восстановить следующим образом:

1. После смерти одного из высокопоставленных членов местной прусской общины была вырыта могильная яма в юго-восточной части комплекса погр. К44 и туда головой на запад помещён ранний конь. Он приносится в жертву в снаряжении для верховой езды.

2. По прошествии некоторого времени, явно недостаточного для полного истлевания органики на туше раннего коня вырывается следующая могильная яма, несколько западнее могилы раннего коня. При этом передняя часть туши раннего коня перемещается на дно новой ямы. На эти останки кладётся поздний конь со сломанной в двух местах шеей, снаряжённый для верховой езды и слабо

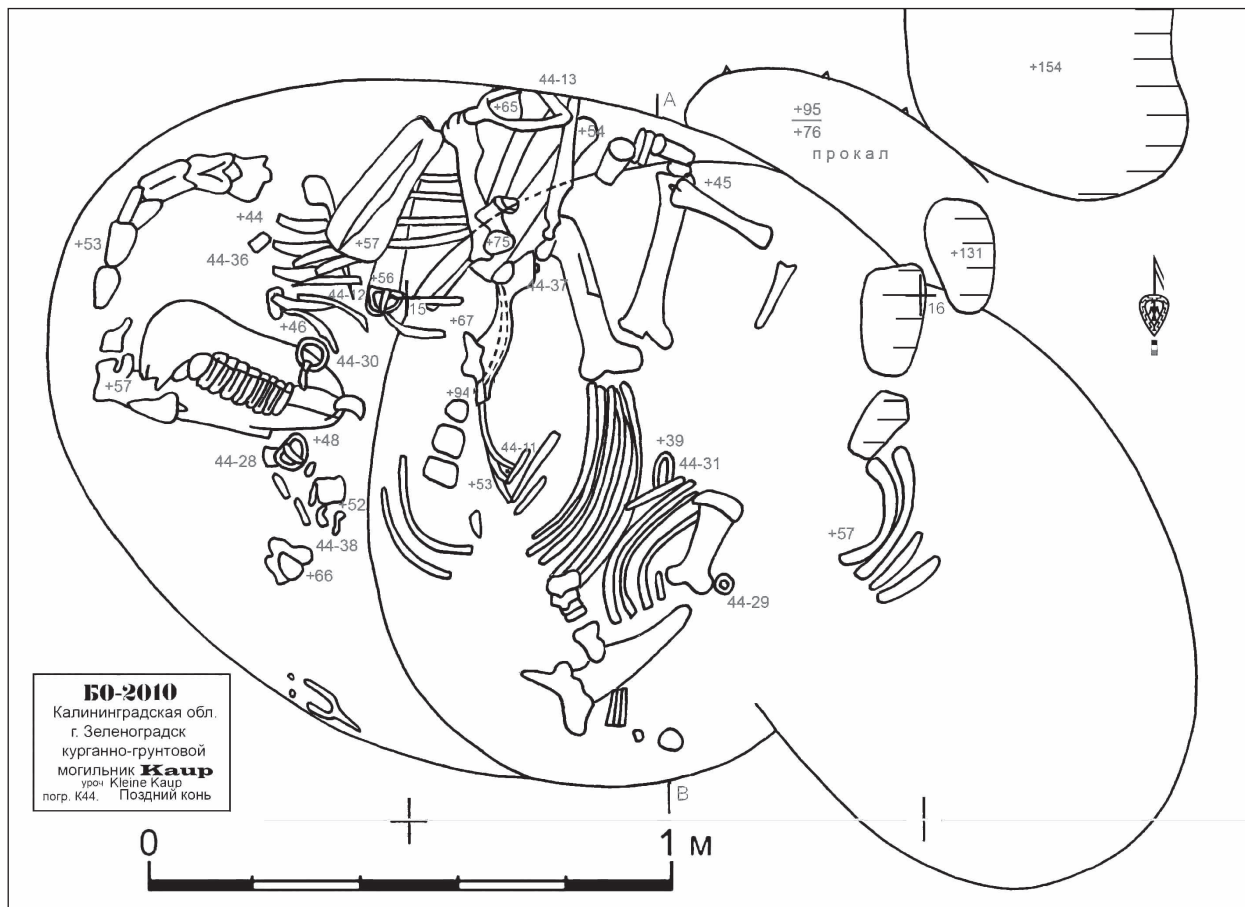

Рис. 8. План расположения в погр. K44 костей позднего коня.

8 pav. Vėlyvojo žirgo kapo griaučių padėties planas kape K44

присыпается переотложенным материковым грунтом.

3. Далее на заполнение позднего коня высыпается массив ОПК, принесённый от погребального костра, расположенного на стороне. В центр комплекса, образованного из могил раннего и позднего коня, помещается мощный валун, дробящий кости коней. На этот валун из похищенного в каком-то католическом костёле роскошного блюда (хоронившие соплеменника пруссы явно обратили внимание на то, что оно украшено подписными изображениями, смысл которых, правда, остался для них неясным) высыпаются немногочисленные обломки кальцинированных костей, принесённые вместе с ОПК с костра. Сюда же кладётся и блюдо, уже запретное для живых ввиду его контакта с сожжёнными останками погребаемого человека. Волею судьбы этот сосуд, изображающий в своём центре персонифицированное идолопоклонничество

как один из смертных грехов, перекрывает языческое трупосожжение.

4. После засыпки верхнего яруса углистыми массивами ОПК сюда же бросаются несколько массивных валунов. Уже после завершения этого завершающего акта церемонии близкие умершего (судя по бусине от серьги – женщины) бросают на могилу заупокойные подношения. Как показывает находка сосуда XII в., эти подношения приносились на протяжении значительного отрезка времени и являлись, очевидно, не только вещевыми, но и имели вид пищи или питья.

Примечателен факт соответствия погр. K44 финальному этапу бытования в исторической Пруссии обряда кремации, в XII в. уже мало использовавшегося (Кулаков, 2003, с. 297). Он характеризовался наличием деталей конского снаряжения в верхнем ярусе (в нашем случае – фрагмент шпоры № 44-4).

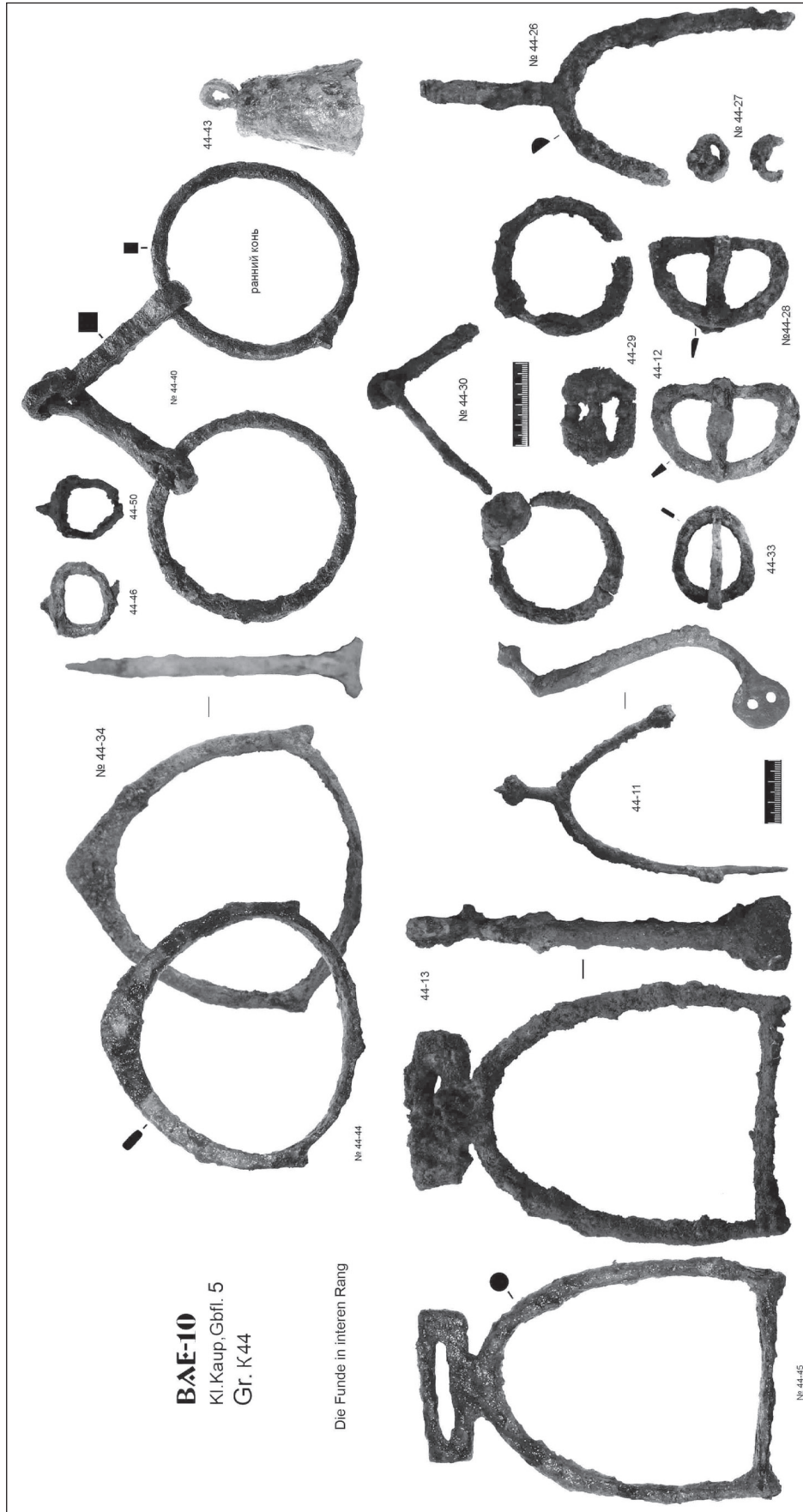

Рис. 9. Инвентарь нижнего яруса погр. К44.
9 рав. Каро К44 aratinio horizonto žkarės

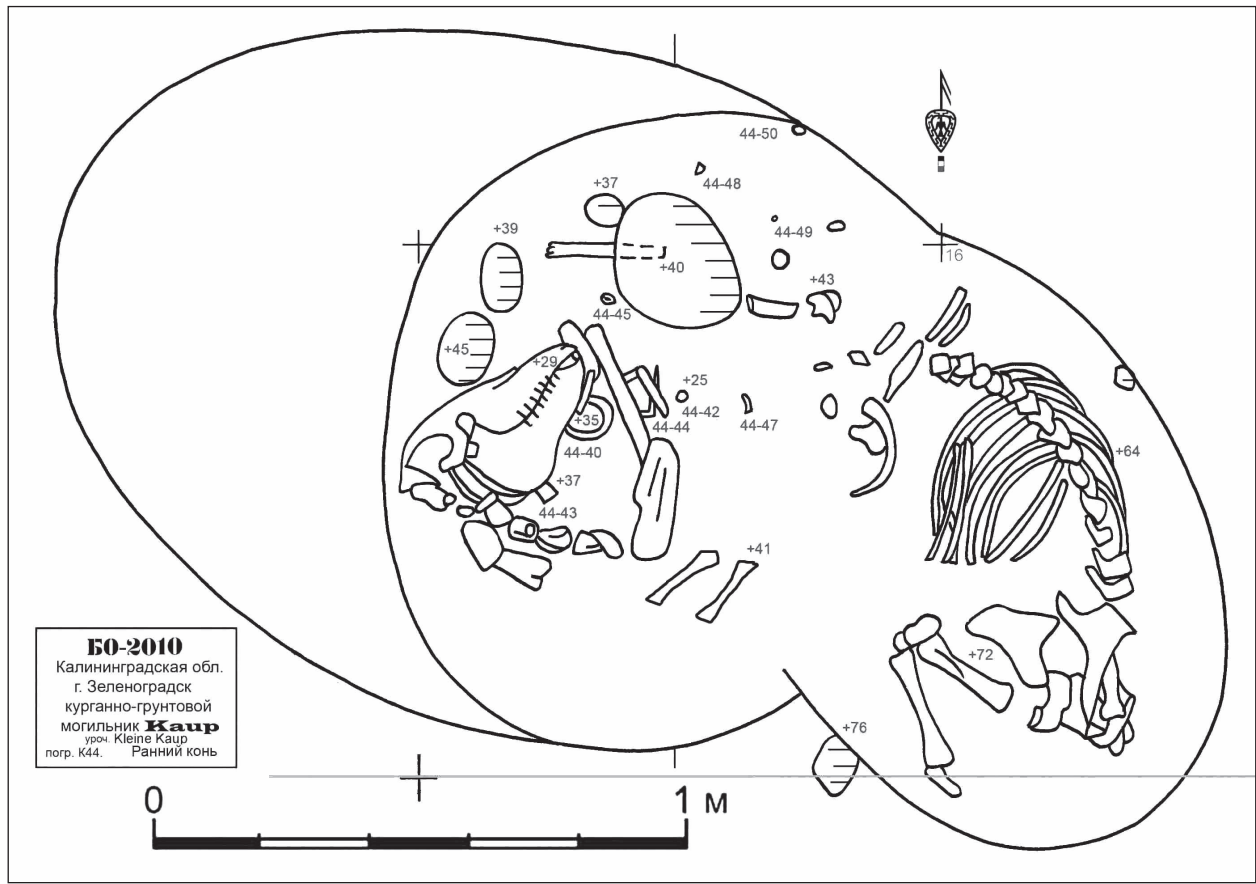

Рис. 10. План расположения в погр. К44 костей раннего коня.

10 pav. Ankstyvojo žirgo kapo griaučių padėtis kape K44

Следующей формой погребальной обрядности у пруссов стало труположение. Оно было также представлено в наших раскопках 2010 г. на участке К1. Каур.

Погр. К46 (Раскоп 6, кв. 13, 14, 15) имеет в плане форму овала, вытянутого по линии север-юг. Могила погр. К46 имеет разм. 2,25 × 0,60 м, глуб. в пределах материка 0,10 м. Она прорезала погр. К43 таким образом, что конь этого комплекса, ориентированный по линии запад-восток, оказался точно под костяком погр. К46. Заполнение погр. К46 достигает мощ. 0,12 м (выше – аморфный в плане слой ОПК) и состоит преимущественно из ОПК с большим содержанием примесей золы. В южной части этого заполнения, в районе ног скелета в погр. К46 видна примесь обожжённого гравия. По длинной оси могилы на её дне лежит на спине мужской костяк длиной 1,68 м. Голова костяка ориентирована теменем на север с отклонением к северо-востоку. Складывается впечатление о том,

что первоначально покойный имел под головой некую подушку из органического материала. С её исчезновением в результате естественных условий истлевания органических субстанций голова, уже слабо соединённая позвонками с корпусом, откатилась к востоку (рис. 11). Левая рука лежит вдоль туловища. Правая рука слабо согнута в локте, кости ладони покоятся на правом бедре. Ноги вытянуты, слабо сведены в коленях. К востоку от головы, уже за пределами границ могильной ямы над нижним ярусом погр. К43, перекрытом описываемым труположением, лежит наконечник копья № 46-1 подтипа J.P. G₁ (рис. 11), на третьем верхнем ребре с левой стороны груди найдена бронзовая подковообразная фибула № 46-21 с закрученными концами дуги. На левой части бедра обнаружена бронзовая пряжка с обоймицей № 46-27. На обоймице пряжки справа от тиснённого стилизованного изображения шестилепесткового цветка чётко видна процарапанная ножом (?) фигура,

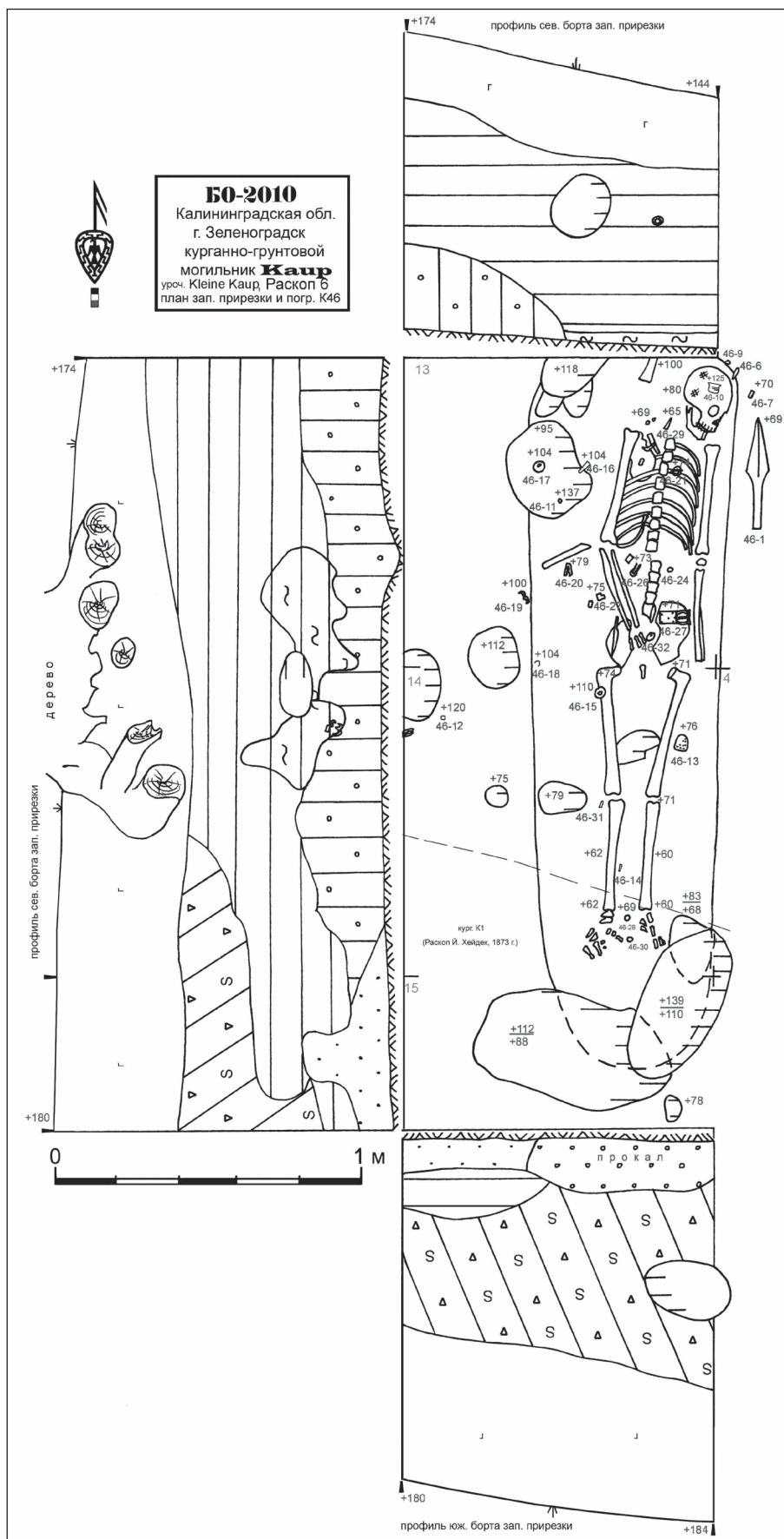

Рис. 11. План и сечения погр. К46.

11 pav. Karo K44 planas ir pjūvis

Рис. 12. Инвентарь погр. К46.

12 pav. Karo K44 įkarės

напоминающая «кельтский крест» (тип «крест в круге»). Упомянутое изображение 6-лепесткового цветка известно на бронзовых готландских блюдах изготавливавшихся для погребальных церемоний в XI в. (Trotzig, 1991, p. 90).

В правой (западной) части живота покойного обнаружены детали перевязи меча № 46-26. Примечателен факт отсутствия меча в погр. К46. Южнее правой стороны бедра найден нож № 46-22. Под тазом покойного найдена малая бронзовая ливровидная пряжка № 46-32 с остатками железного

язычка. Между стоп скелета лежал серебряный брактеат типа «с крестом», чеканенный в Кёнигсберге в кон. XIII в. (определение А. А. Валуева). Несколько южнее этой монеты найден равнозначный по размерам кремнёвый скребок № 46-30. Остальной инвентарь погр. К46 обнаружен преимущественно в ОПК – заполнении могильной ямы этого комплекса, разрушившей верхний ярус погр. К43. В связи с этим принадлежность этого инвентаря к погр. К43 или К46 не ясна окончательно. Среди этого материала: фрагмент кругового сосуда

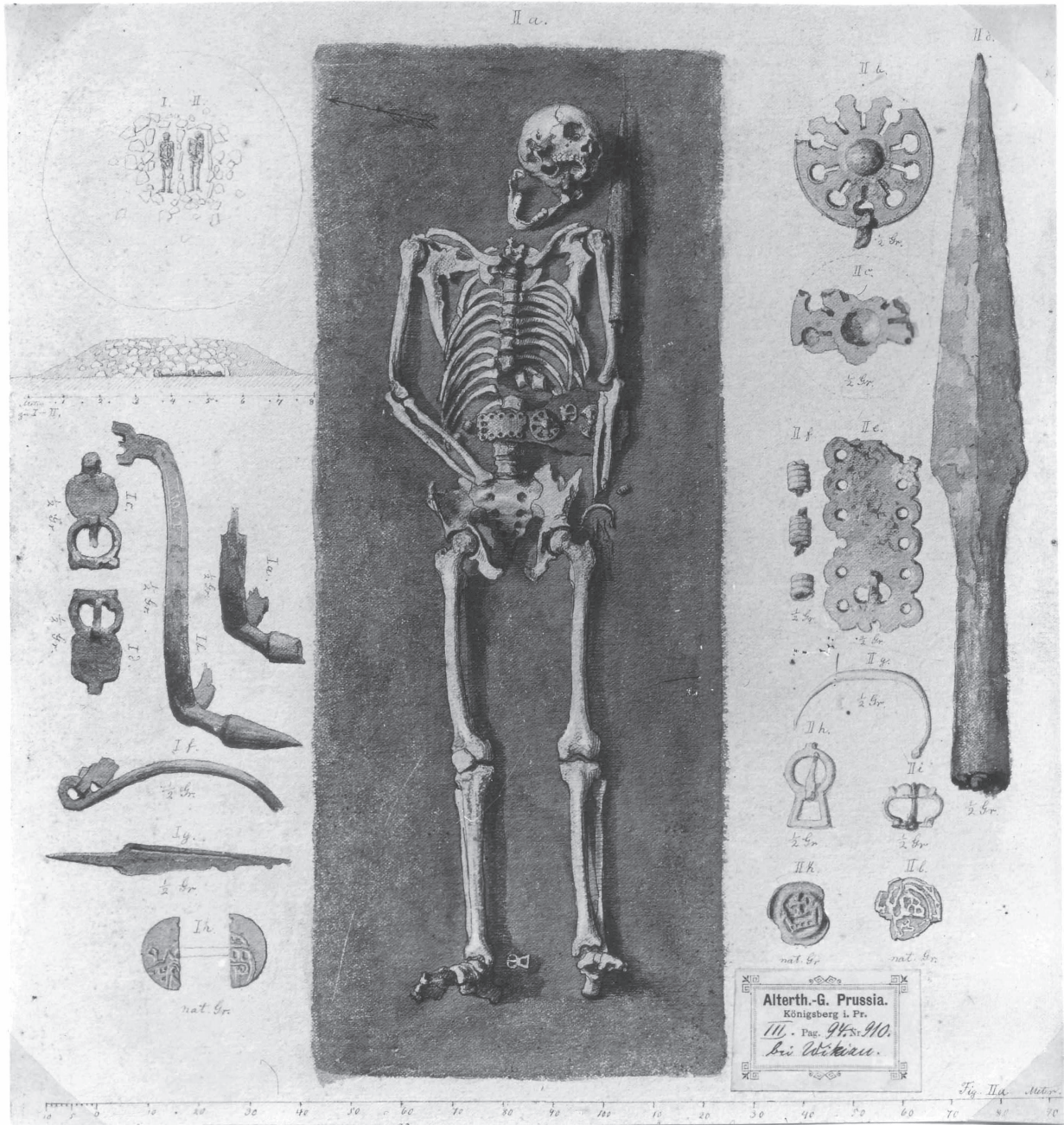

Рис. 13. План захоронения в кург. А Kunterstrauch/Клиновка (Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin).

13 pav. Kapo pilkapyje A planas. Kunterstrauch/Klincovka (Prussia – Archiv, Museum für Vor – und Frühgeschichte, Berlinas)

№ 46-10 (скорее к погр. K46), бронзовые басменная подвеска № 46-12 с соляным псевдо-жемчужным орнаментом (очевидно – из погр. K46) и кольцо № 46-11, фрагмент венчика лепного сосуда с большим количеством дресвы в примеси № 46-13 (из погр. K43 ?) и остальные 6 фрагментов лепных и круговых сосудов, обломок обожжённой

тордированной бронзовой гривны № 46-14 (явно из погр. K43), обожжённые глиняные пряслица № 46-15 и 46-17 (явно из погр. K43), железная пластина № 46-16, фрагмент железного кольца № 46-18, железные предметы № 46-19 («омега») и № 46-20 («альфа») (такие символы раннего христианства накладывались или крепились к гробам

обращённых в веру Христа) (рис. 12). Погр. К46 содержит останки мужчины-воина, погребённого в северной полё кург. К/1 в кон. XIII в.

Ближайший аналог погр. К46 находится в 1,2 км к северо-западу от лесного уроч. Кауп, в лесу Kunterstrauch (у совр. пос. Клинецовка). Там Й. Хейдек раскопал в 1876 г. кург. А с каменно-земляной насыпью, в котором в двойном каменном ящике находились головами на восток женский и мужской костяки. Мужское труположение являлось почти точной копией погр. К46, даже наконечник копья – того же типа (рис. 13). Пара брактеатов (правда – не в ногах, а во рту), датировавших комплекс нач. XIV в. (Кулаков, Казаченко, 2008, с. 91, 92). Погребения в кург. А и погр. К46 по внутренней структуре находят прямые аналогии в ятвяжских древностях северо-западной части совр. Белоруссии. На этом материале А. Квятковская выделила два типа труположений. В виде II выделяется вар. 2А. Относящиеся к нему погребения XII–XIII вв., обложенные и перекрытые камнями, под которыми костяк перекрыт, в свою очередь, слоем угольных и золистых прослоек (Квятковская, 1998, с. 60, 61). На могильнике Kunterstrauch в кург. А эту черту, несмотря на краткое описание обряда, можно предполагать, а в погр. К46 она представлена очевидно. Таким образом, можно предполагать связь воинов, погребённых в кург. А и в погр. К44, с ятвяжским культурно-этническим ареалом. По данным исследования ДНК останков из погр. К46, проведённым В.Н. Чеховским в лаборатории экспертно-криминалистического центра МВД (г. Калининград), выявлено то, что отщепление предка человека от основной группы народа, обитавшего некогда на пересечении современных границ Беларуси, Украины и Польши, произошло порядка 300 ± 25 лет назад от момента рождения человека.

Традиция переселения членов завоёванных племенных объединений на территории Орденского государства в XII–XIV вв. в виде пленников или заложников (не только крестоносцами, но и литовцами) хорошо известна (Петр из Дусбурга, 1997, с. 165, 167). Поэтому появление представителя

ятвяжской этно-культурной группы на Самбии в орденское время неудивительно.

Приведённый выше материал на примере данных новейших раскопок иллюстрирует редко уловимый в тафологических материалах переходной этап от трупосожжения к труположению. Он заключается в наличии над костяком (нередко – в самой домовине) остатков горелой органики и даже обожжённых костей животных (как на куршском могильнике Stangenwalde, Куршская коса – Schifferdecker, 1871, S. 43-46). Видимо, сменившие прежний, сложившийся на протяжении веков обряд трупосожжения на новый для них ингумационный обряд, западные балты (прусы, ятвяги и часть куршей) на протяжении нескольких поколений сохраняли в своём новом порядке погребальных церемоний рудименты старых обычаев. Они проявились не только в перекрытии тела умершего ОПК, но и в отсутствии стабильной ориентации погребённого (что, возможно, не было принципиальным при кремации). Так, костяки в кург. А Kunterstrauch лежат головой на восток, в погр. К46 – на север, а на могильнике Stangenwalde и на ятвяжских могильниках – на северо-запад и в других направлениях. Кроме того, быть может, неслучайно костяк в погр. К46 перекрывает более раннее захоронение коня. Тем самым участники процесса погребения осознанно (?) воссоздали традиционное для прусской культуры (в эпоху господства кремации) двухъярусное захоронение.

Таким образом, материал новейших раскопок в Калининградской области показывает, что грань между кремацией и ингумацией в исторической Пруссии была достаточно размытой. Ещё на рубеже XI–XII вв. обряд кремации при наличии в нижнем ярусе захоронения двух коней (погр. К44), был сложен и длителен. Несмотря ни на какие внешние факторы (приход Тевтонского Ордена, крушение прусской «конфедерации», принудительная христианизация, насильственные переселения), западные балты в XIII–XIV вв. очень медленно расставались со своими обрядовыми традициями.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич Ф. Д., 1963. Норманнский могильник у дер. Вишнево. In: *Скандинавский сборник*. VI. Таллин, с. 194–208.
- Даркевич В. П., 1970. Новые находки романских бронзовых чаш. In: *Древние славяне и их соседи*. Москва, с. 150–154.
- Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации. In: *КСИА*. Вып. 224. Москва, с. 85–97.
- Квятковская А., 1998. Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII вв.). Вильнюс.
- Кулаков В. И. 1996. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов). In: *РА*. № 3, с. 134–147.
- Кулаков В. И., 2002. Культурный пьетет пруссов. In: *Вестник РГНФ*. № 1.
- Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 г. Москва.
- Кулаков В. И., 2010. Грунтовой могильник Малый Кауп: раскопки и находки. In: *Archaeologia Litwana*. 11. Vilnius, с. 188–210.
- Кулаков В. И., Казаченко Ж. Ю., 2008. Кунтерштраух: забытый памятник прусской археологии. In: *КСИА*. Вып. 222. Москва, с. 90–98.
- Петр из Дусбурга, 1997. Хроника земли Прусской. Москва.
- Kulakov V. I. 2005. Die wikingerzeitliche Siedlung und das Gräberfeld Kaup bei Wiskiauten. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1956–2004. In: *Offa-Zeitschrift*. Bd. 59/60, 2002/2003, S. 55–78.
- Goßler N., 2013. Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) – Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte. In: *Acta Praehistorica et Archaeologica*. Bd. 45, S. 109–216.
- Poklewski T., 1961. Misy brązowe z XI, XII I XIII wieku. Łódź.
- Schifferdecker G., 1871. Der Begräbnisplatz bei Stangenwalde. In: *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*. Jg. 12.
- Trotzig G., 1991. Craftsmanship and function. A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland, Sweden. Stockholm.
- Wulff, 1865. Bericht über die Aufdeckung altpreußischer Begräbnisstätten bei dem zum Gut Bledau gehörigen Vorwerke Wiskiauten im Samlande. In: *Altpreußische Monatshrift*. Bd. 2. S. 641–646.
- Žulkus V., 2007. Palanga in the Middle Ages. Ancient Settlements. Kaunas.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Museum für Vor- und Frühgeschichte (Berlin), Prussia-Archiv, IXg 86.

СОКРАЩЕНИЯ

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.

РА – Российская археология.

БФУ – Балтийский Федеральный Университет им. Иммануила Канта (г. Калининград).

РГНФ – Российский Фонд гуманитарных исследований.

MVU, PA – Museum für Vor- und Frühgeschichte (Berlin), Prussia-Archiv.

MAŽASIS KAUPAS: DU LAIDOSENOS BŪDAI

Vladimir Kulakov

Santrauka

Pietryčių Pabaltijo skirtingų istorinių laikotarpių laidojimo senienos kaip kapotyrinė medžiaga faktiškai nebuvo sistemintos. Nauji duomenys, leidžiantys praplėsti ir patikslinti mūsų žinias apie prūsų laidojimo papročius, gauti 2010 m. tyrinėjant plokštinių kapinyną sektoriuje Kl. Kaupas, esantį rytinėje chrestomatinio baltiškoje archeologijoje pilkapyno Kaupas (Zelenogradsko m., Kaliningrado sr.) dalyje. Straipsnyje iš 14 ištirtų 2010 m. kapų atrinkti du kompleksai. Jie įdomūs tuo, kad reprezentuoja du savotiškus ankstyvųjų viduramžių prūsų laidosenos polius – kremaciją (kapas K44) ir inhumaciją (kapas K46).

tinio baltiškoje archeologijoje pilkapyno Kaupas (Zelenogradsko m., Kaliningrado sr.) dalyje. Straipsnyje iš 14 ištirtų 2010 m. kapų atrinkti du kompleksai. Jie įdomūs tuo, kad reprezentuoja du savotiškus ankstyvųjų viduramžių prūsų laidosenos polius – kremaciją (kapas K44) ir inhumaciją (kapas K46).

Pažymėtina, kad kapas K44 atitinka paskutinį kremacijos papročio, jau mažai praktikuoto XII a. istorinėje Prūsijoje, etapą. Jam būdingos žirgo aprangos detalės viršutiniame horizonte.

Artimiausi kapo K46 analogai yra 1,2 km į šiaurės vakarus nuo miško vietovės Kaup, Kunterstraicho miške šalia dabartinės gyvenvietės Klincovka.

Pateikta medžiaga naujausių tyrimų duomenimis iliustruoja sunkiai atsekamą kapotyros medžiagoje perėjimo nuo kremacijos prie inhumacijos etapą. Nepaisant išorinių faktorių (Teutonų ordino atsikraustymo, prūsų „konfederacijos“ žlugimo, prievartinės christianizacijos, smurtinių gyventojų perkėlimų) vakarų baltai XIII–XIV a. labai pamažu atsiskaidavo senų laidojimo papročių.

Iš rusų kalbos vertė *Aleksiejus Luchtanas*

Įteikta 2014 m. kovo mėn.